

Содержание

Благодарности	8
Введение	9
Глава первая. Начало: детство в женских автобиографиях до Первой мировой войны	34
Женская автобиография детства во Франции	36
Конфликт между матерью и дочерью	38
Воспоминания	41
Автопортрет	42
Женщина из рабочего класса	49
Женская автобиография детства в Англии, США, Австралии и Ирландии	51
«Мы»	57
Исследование	67
Короткие фрагменты	72
Жертва	74
Улавливая детский взгляд	81
Внутренняя жизнь ребенка	85
Смещение жанров	90
Женская автобиография в 1900-х	92
Глава вторая. Межвоенный период: мемуары и полумемуары	106
Мемуары	109
Воспоминания из стран-победительниц	110
Воспоминания из проигравших стран	118
Полумемуары. 1935	122
«Сияние в траве»	137
Юмор	139
Воспоминания	141

Глава третья. Межвоенные годы: золотой век психологического автопортрета	146
Автопортреты 1920-х годов	148
Как я стала той, кем стала	158
Прямо в лицо	163
Самовыражение в 1930-е	165
Самоутверждение	167
Видение ребенка	188
Исследование	206
Глава четвертая. Женская автобиография детства во время Второй мировой войны	213
Полумемуары	214
Произведения, сфокусированные на авторе	218
Самоутверждение	219
Воспоминания	227
Семейное гнездо и трудности за его пределами	233
Глава пятая. Женская автобиография детства с конца Второй мировой войны до 1960-х годов	237
Автобиографии насилия	248
Автобиографии, сфокусированные на авторе	272
Роман воспитания	274
Отношения	286
Точка зрения ребенка	297
Смешение стилей	303
Заключение	311
Примечания	323
Указатель имен	338

Благодарности

После завершения работы над моей первой книгой по истории жанра я поклялась никогда больше этим не заниматься. Тем не менее соблазн новых открытий был велик, и спустя двадцать лет мое желание написать нечто, задумывавшееся как короткая история женских автобиографий детства, одержало верх над мудрым обещанием. Вскоре я была завалена потенциальным материалом. Я обнаружила себя описывающей 170 с лишним биографий, соответствующих моим критериям. Я бы никогда не смогла завершить начатое, если бы не щедрая поддержка Виргинского университета, который финансировал мне два творческих отпуска в 2012–2013 и 2018–2019 годах, летний грант в 2013 году и поездку в библиотеку Кембриджского университета. Мне также очень помогли с поиском и изучением материалов сотрудники Библиотеки Университета Вирджинии, в том числе Джим Кэмпбелл, Джордж Крафтс, Мигель Валладарес-Ллата, Брайсон Клевенгер, Крис Руотоло, Энн Бенхэм и Рене Рейгарт. Отдельно я хочу поблагодарить мою коллегу Джанетт Хадсон за чтение и рецензирование всей рукописи в ее первоначальном виде. Я также хочу сказать спасибо Кейт Дуглас — единственному рецензенту, чье имя я знаю, — за прочтение более поздней версии рукописи и поощрение публикации.

Введение

Детство, конечно, определяет, какими взрослыми мы станем.
Джанет Хичман. The King of the Barbareens

На гребне второй волны феминизма на рубеже 1960–1970-х годов свет увидели автобиографические тексты о детстве и юности, написанные женщинами. Можно отметить «Поэтому птица в неволе поет» Майи Анджелу (1969)¹, «Прощайте, счастливые поля» Кэтлин Рейн (1973), «Воительница» Максин Хонг Кингстон (1976), «Образы детства» Кристы Вольф (1976)², «На остров» Дженет Фрейм (1982), «Детство» Натали Саррот (1983)³, «Любовник» Маргерит Дюрас (1984)⁴, «Анни Джон» Джамайки Кинкейд (1985) и «Американское детство» Энни Диллард (1987). В 80-е этот феномен — женские автобиографические повести о детстве — был близок к тому, чтобы стать глобальным. Писательницы из стран, не имевших до той поры сложившейся традиции женского автобиографического творчества, пополнили ряды издающих книги о своем детском опыте. Некоторые из них стали известными: марокканская писательница Фатима Мернисси написала о своем «девичестве в гареме» для западной аудитории⁵, а вышедшая в 2000–2003 годах графическая автобиография иранской писательницы Марджан Сатрапи «Персеполис» была переведена на многие языки и стала основой мультипликационного фильма.

Эта недавняя волна женского автобиографического письма, посвященного детству, заставляет задаться вопросом: какова история этого жанра? Давно ли женщины пишут о своем раннем периоде жизни? Результатом поиска ответов стала эта книга.

В женских и детских автобиографиях рассказаны невероятно откровенные, трогательные и интересные истории о том, каково это — быть девочкой, девушкой в разных уголках мира и при различных обстоятельствах. Некоторые из них, помимо

прочего, являются необычайно успешными литературными произведениями. Многие писательницы не только демонстрируют впечатляющую степень понимания своего детства и, как следствие, детства в целом, но и изощренность в его описании. Некоторые тексты сосредоточены непосредственно на проблемах женщин, таких как дискриминация по признаку пола, лишение прав и возможностей или сексуальная эксплуатация, а в других такие «типичные проблемы» иллюстрируют личные истории авторов. Такие работы привлекательны вдвойне: они открывают окно в женское детство и одновременно иллюстрируют писательские стратегии для представления себя и своего личного опыта.

Автобиография является одним из множества источников исторической информации, но именно она обещает читателю путешествие во внутренний мир другого человека, в другую жизнь. Автобиография уникальна способностью показать, как человек счел нужным представить себя своим современникам и потомкам. Меня интересует возникновение женских автобиографий. Поэтому я решила сосредоточиться на сочинениях, в которых женщины пишут о себе *как о детях*, а не просто об обстоятельствах, в которых они выросли. Поскольку я сосредоточена на том, как авторы изображают себя, а не на том, что они пишут в личных записках и дневниках, я ограничила свою подборку изданными (или предназначенными для издания) произведениями. Тексты, предназначенные для публикации, в отличие от текстов, созданных для себя или узкого (семейного или дружеского) круга читателей, свидетельствуют о вере автора в то, что изложенное будет представлять интерес для широкой аудитории, следовательно, и об определенной уверенности автора в себе. Публикация автобиографических текстов и признание себя автором книги о самом себе требуют определенной смекалки. Сегодня барьеры сняты, но так было не всегда*.

Вопросы, на которые я пытаюсь ответить, заключаются в следующем: как началась и как развивалась для женщин

* Причины исторической сдержанности женщин, особенно в отношении написания и публикации автобиографии, тщательно исследованы и описаны Сидони Смит (*Smith S. A Poetics of Women's Autobiography. Bloomington, 1987*).

традиция публичного представления своей личности в детстве? Какие формы оно имело? Что, по мнению женщин, могло заинтересовать и привлечь широкую читательскую аудиторию?

В поисках примеров я с благодарностью использовала библиографии других исследователей. В частности, я изучила книгу Ричарда Н. Коу⁶, в которой перечислено более 65 произведений, опубликованных до 1984 года, и *Remembered Childhoods* Джеффри Лонга⁷ — объемный том, где перечислены англоязычные или переведенные на английский язык автобиографии и мемуары, написанные с 1725 по 2007 год, содержащие не менее пятидесяти страниц о детстве и юности автора. Кроме того, я сверилась со специализированными библиографиями, такими как список австралийских женских автобиографий о детстве и юности, приведенный Джой Хутон в ее работе *Stories of Herself When Young: Autobiographies of Childhood by Australian Women*⁸ и указатель опубликованных автобиографий женщин, родившихся между 1800 и 1900 годами в немецкоязычных странах, — *Autobiographien von Frauen* Гудрун Ведель⁹.

Я прочитала все то, что смогла найти. Моя цель состояла в том, чтобы не упустить ни одной женской автобиографии детства, потому что я считаю, что основой теории должны быть эмпирические данные: чем их больше, тем лучше. Думаю, нет необходимости говорить о том, что всеобъемлющий характер архивной работы остается неосуществимой мечтой. Я не претендую на полноту исследуемого материала. Читатели наверняка вспомнят множество текстов, не упомянутых в этой работе. В частности, конечно, есть много непереуведенных произведений на языках, которыми я не владею: русском, испанском, итальянском, нидерландском и скандинавских языках. Я обращаюсь к двум основным традициям: французской, более ранней и определившей тенденции, и англоязычной, сравнительно рано начавшей доминировать благодаря численному превосходству. Свой вклад в нее внесли писательницы из Англии, Ирландии, Соединенных Штатов, Канады и Австралии (и не только). Читатели могут также задаться вопросом, почему я опускаю некоторые названия, которые включают в свои списки другие библиографы. Причина в том, что я исключаю

тексты, в которых детскому «я» уделяется слишком мало внимания: там, где детские годы трактуются кратко, «я» маргинализируется или же автор прячет свою самопрезентацию в художественном произведении*. Подробнее об этих пограничных типах я расскажу ниже.

Я ознакомилась со многими текстами, полностью забытыми и пылившимися на дальних полках библиотек. Количество обнаруженных сокровищ меня не просто удивило: как оказалось, женщины страстно писали и публиковали тексты о своем детстве и юности с середины XIX века. Так мое повествование вышло за первоначальные рамки. После Второй мировой войны количество автобиографий детства стало расти как на дрожжах и особенно резко оно увеличилось на гребне второй волны феминизма в конце 1960-х. Поэтому я решила остановиться на 1969 году.

Эта книга написана для широкой аудитории. Она будет полезна всем, кто интересуется женскими автобиографиями детства и детством как таковым. Цель моей работы состоит в том, чтобы показать, как женщины пришли к этому жанру и как со временем менялись их подходы. «Черный континент» женственности (как описал его Зигмунд Фрейд) не такой уж и черный, каким он был сорок лет назад. Однако запоздалых исследований, созданных за эти годы, недостаточно, чтобы предоставить истории женщин и женского литературного творчества такой же фундамент, как у событий и культурных продуктов, которые все время находились в фокусе внимания

* Каждый библиограф понимает тему по-своему. Коу, Хутон, Лонг и Ведель перечисляют автобиографии детства и юности, но, в отличие от меня, они не интересуются тем, сколько внимания уделяет автор детству по сравнению с юностью и зрелостью. Никто не делает различия между автобиографиями, ориентированными на себя, и мемуарами, ориентированными на внешний мир, хотя иногда это два пересекающихся, но все-таки разных типа. Действительно, Лонг называет все произведения своей библиографии мемуарами, а Ведель — *Erinnerungen* (воспоминаниями). Лонг и Ведель, как и я, считают важным отличать автобиографию от автобиографического романа (часто это трудная задача). Лонг исключает из своего списка автобиографические романы, а Ведель включает, но обозначает как таковые. А Коу и Хутон, напротив, включают автобиографические романы в свои библиографии без особых уточнений.

исследователей и широкой общественности. Таким образом, в этой книге анализируется 178 забытых текстов, предшествовавших известным современным примерам, многие из которых сами отличаются высоким качеством. Я исследую содержание, форму, стиль и тон этих произведений, обращая внимание на самопрезентацию авторов, а также на любые их реплики по гендерным вопросам.

Выбранный мною метод известен в социальных науках как «обоснованная теория» (grounded theory). Таким образом, я начинаю не с «исследовательского вопроса», для которого ищу «примеры», а стараюсь охватить все имеющиеся в моем распоряжении данные: 178 работ. Другой подход — начать с вопросов, ставших актуальными сегодня, — может осветить ранее невидимую область прошлого, но он имеет очевидный побочный эффект: другие темы окажутся в тени. Более того, попытки обобщения на основе нескольких «примеров» всегда связаны с риском исказить картину. Как писал Э. Гомбрих в книге «Норма и форма»: «Вы никогда не сможете получить из своей классификации больше, чем вкладываете в нее»¹⁰. Итак, я слеую индуктивному методу, и позволяю данным подсказывать вопросы. Моя гипотеза, которую жанровые исследования, как правило, подтверждают, заключалась в том, что типовые модели вместе с текущим культурным климатом существенно влияли на то, что писали в конкретный период. Но другие вопросы о детстве в женских автобиографиях и ответы на них проистекали из самих исследуемых материалов. Чем больше я читала, тем больше мне приходилось корректировать собственные первоначальные предположения. Например, существует ли, как я рассчитывала, «сюжет о матери и дочери»¹¹, а если да, то в чем он заключается? Сегодня так или иначе часто подчеркивается виктимизация женщин. Но изображали ли женщины себя жертвами ранее? Травма — это модная сегодня тема. Является ли травма важным мотиватором в жанре женской автобиографии детства?

Для классификации материала я использую некоторые термины. Мне хочется, чтобы все было просто. Некоторые из терминов соответствуют тем, которые предлагают другие критики — «исповедь», «мемуары», «роман воспитания»,

«автопортрет», «реляционная автобиография» и так далее. Но я ориентировалась скорее на первичные работы, чем на критические разборы, поэтому сходство между тем, как я использую эти термины, и определениями из других исследований является случайным, а не преднамеренным. Закладываемый мною смысл не отражает тех дискуссий, которые иногда складывались вокруг терминов и могли повлиять на них*.

Когда я начинала этот исторический проект, не имея представления о том, что я найду, я представляла, что женские автобиографии детства, написанные до 1970 года, будут соответствовать нескольким моделям. В действительности эти работы оказались гораздо более разнообразными и написаны куда более изощренно, чем я могла предположить. Они не поддавались распределению по моделям. Я много размышляла о том, какое разочарование испытала бы сама при чтении литературно-исторического исследования, которое открывало бы новые горизонты, но жертвовало индивидуальными чертами рассматриваемых произведений ради того, чтобы подчеркнуть закономерности. Я поняла, что в такой ситуации задала бы сама себе вопрос: «Дорогой критик, не могли бы Вы рассказать мне немного больше о произведениях?» Поэтому я решила не подвергать свой материал избыточной переработке, а вместо этого рассмотреть много отдельных работ — от очень коротких до весьма длинных — в зависимости от того, что в них мне покажется важным. Эта процедура, конечно,

* Сидони Смит и Джулия Вотсон предлагают очень полезный каталог биографических жанров с комментариями (*Smith S., Watson J. Reading Autobiography: A Guide for Interpreting Life Narratives. Minneapolis, 2010.*). «Исповедь» — ключевой термин для меня, поскольку «Исповедь» Руссо положила начало целой тенденции в женской автобиографии детства; Рита Фельски в своей книге (*Felski R. Beyond Feminist Aesthetics. Cambridge, 1989. P. 86–121*) исследует сближение исповеди с другими жанровыми формами, которые я прослеживаю: апелляция к типичности и групповая идентичность в женской автобиографии, возникающие под влиянием современного феминизма. «Мемуары» — еще один ключевой для меня термин, но я использую его в старом смысле, а не в соответствии с его нынешним значением как обобщающего термина для любого описания жизни. «Реляционная автобиография» — концепция, которая привлекла так много внимания, что ее определение было почти переопределено. Я использую этот термин экономно и просто, без гендерных подтекстов.

сопряжена с другим риском — разочаровать читателя. Подобно тому как желтая кирпичная дорога является ориентиром для всех, кто направляется в Изумрудный город, темы соединяют произведения и направляют читателя, но придется пробираться сквозь «деревья» моих комментариев к отдельным работам, чтобы получить представление о «лесе». Читателям, которые хотят видеть лес, не отвлекаясь на отдельные деревья, я предлагаю ограничиться прочтением краткого содержания глав и пропустить все остальное. Эту книгу можно читать последовательно, но это не обязательно. Она предназначена для использования в качестве справочника, так что поддается частичному потреблению.

Жанры возникают в тандеме с культурными ценностями. Само собой разумеется, что само существование жанра автобиографии детства подразумевает общество, в котором детство считается важным и заслуживающим того, чтобы о нем писали. Так было не всегда. Эпоху, в которой детство считалось формирующим этапом, открыл романтизм. Современная автобиография, возникшая в период так называемого предромантизма и более чем любой другой жанр свидетельствующая о существовании понятия «я», знаменует идею важности детства, начиная с Жан-Жака Руссо и еще более явно Уильяма Вордсворта. Жанр автобиографии детства как феномен позднего романтизма закрепил эту идею. Если все автобиографическое произведение целиком оказывается посвящено детству, то это потому, что автор делится с читателями своей верой в то, что детство интересно и важно, что воспоминания о нем заслуживают воссоздания, что события детства заслуживают реконструкции и что детство является ключом к будущему характеру, убеждениям и даже карьере человека. Эта эпоха не закончилась. Появление психоанализа дало новый импульс вере в значительность детства, хотя психоанализ кардинально изменил представления о нем.

Ричард Н. Коу, первый и наиболее обстоятельный историк этого поджанра автобиографии, считает, что первую подлинную автобиографию детства написал Стендаль в 1835 году (она была опубликована гораздо позже, в 1890 году). Критерий Коу для того, что он называет детством с большой буквы,

заключается в том, что произведение показывает развитие личности, а не просто рисует сентиментальную или идеализированную картину того, каково это — быть ребенком. Впоследствии, и особенно в последние десятилетия XIX века, растущий интерес к образованию, психологии и благополучию детей стал стимулом для появления все большего числа автобиографий детства.

Но где и когда о детстве начали писать женщины?

Женщины пришли в жанр позже, чем мужчины. Несомненно, это относительное опоздание было связано с такими вопросами, как грамотность, неприкосновенность частной жизни и, прежде всего, внутренний запрет женщин на публикацию произведений, сосредоточенных на них самих. Тем не менее в XIX веке женщины публиковали рассказы о своем детстве и юности с большей готовностью, чем описания взрослой жизни, — факт, который я приписываю сходству автобиографии детства с семейными историями, представлениями о ней как о произведении для младшей аудитории и относительной безвредности предмета. В Англии хранительницами семейной истории долгое время считались женщины. В XIX веке многие женщины писали детские книги. Первую детскую автобиографию опубликовала в 1845 году английская детская писательница Мэри Хоувит, наиболее известная своим стихотворением «Паук и муха»¹². Ее книга «Моя собственная история, или Автобиография ребенка» была предназначена для юной аудитории. Во Франции Жорж Санд, следуя примеру Руссо, развернуто написала о своем детстве в автобиографии «История моей жизни»¹³ (1854–1855). В 1866 году, также во Франции, Атенаис Мишле опубликовала автобиографию под названием «Воспоминания ребенка», которая была посвящена исключительно ее детским годам. Постепенно ряды дополнили писательницы из других европейских стран, Соединенных Штатов и Австралии. Однако до 1900 года примеров мало. С началом нового века процесс начал набирать обороты, а в период между мировыми войнами жанр стал особенно популярным. Большинство ранних работ оказались забыты, даже если в свое время они пользовались интересом широкой аудитории, что было редкостью. После Второй мировой войны автобиографии

стали появляться как грибы после дождя. А начиная с 1970-х, с расцветом женского движения, женское автобиографическое письмо, включая и нарративы о детстве и взрослении, переживало бум.

Что побуждало женщин писать именно о детстве и юности? Писать о своей жизни для широкой аудитории — это странный проект, независимо от того, кто за него принимается. Очевидной мотивацией для написания автобиографии является желание создать собственный образ для потомства. Но изначально это не кажется важной или, по крайней мере, основной мотивацией для женщин, пишущих о своем детстве. Чем более известна женщина, тем больше ее можно заподозрить в том, что она пишет с целью создать определенный образ себя для будущих поколений. Но известными были очень немногие женщины. Хотя знаменитости действительно чаще писали о своей жизни, включая детские годы, к жанру автобиографии детства обращались и другие женщины, причем не все они были профессиональными писательницами. Здесь требуется оговорка: слово «автобиография», которое предполагает хронологический рассказ о жизни, может ввести читателей в заблуждение. Более широкий и общий термин «автобиографическое повествование» лучше соответствует теме данной работы, потому что охватывает различные подходы авторов к их проектам. Но «автобиографическое повествование о детстве» — это формулировка длинная и громоздкая. Поэтому я, опираясь на аргументацию Сюзанн Иган о том, что традиционному термину «автобиография» свойственна «всеобъемлемость» и «гибкость», буду говорить об «автобиографии детства», подразумевая, что имеются в виду все виды взрослого нехудожественного автобиографического письма о детстве.

Возвращаясь к вопросу о мотивации: многие женщины, похоже, решили писать о своем детстве из желания что-то сделать, выразить себя творчески — написать историю. Собственное детство было под рукой. Другая мотивация заключалась в том, чтобы, опубликовав книгу, повысить *собственную* значимость. Профессиональные писательницы, особенно авторы детских книг, несомненно, также надеялись заработать. Помимо этого, были и другие мотивы. Если судить по направлениям

опубликованных работ, одним из преобладающих импульсов, чтобы начать писать, было сильное очарование взрослого воображения детскими выдумками. Детство может казаться самым реальным временем, которое когда-либо знал взрослый: время потока и трансформации, открытий и сюрпризов, время неясных перспектив, когда жизнь еще не вошла в свою колею, время безудержных фантазий в сочетании с неуверенностью в том, что есть реальность, а что — вымысел, время острых страстей, желаний, печалей и страхов. Для некоторых женщин привлекательными оказались перспектива воссоединения с утраченным миром детства и задача вернуться к детскому восприятию. Другим было важно проанализировать себя и обстоятельства собственного взросления, чтобы достичь самопонимания — понимания, которое, по их мнению, могло быть поучительным и для широкой публики. Ведение записей для небольшой группы — семьи, детей или друзей — могло инициировать автобиографический проект, как в случае с книгой «Зарисовки детства и девичества» Корнелии Грей Лунт, написанной для младших членов ее семьи, или написанной для друзей «Прощай, настоящее: история двух детств» Элеоноры Маргарет Акланд (1935). Увы, импульсом могло стать и желание отомстить родителям или родственникам за плохое обращение. Привлечение внимания общественности к проблемам обездоленных социальных групп все чаще становилось основным мотивом, особенно после Второй мировой войны. В случае с известными людьми, такими как Дорис Лессинг, о жизни которых ходило множество нелепых слухов, важным стимулом становилось желание исправить ситуацию.

Детство — часть жизни любой женщины. Но лишь некоторые решаются написать, а тем более опубликовать книгу на эту тему. На вопрос о том, кто именно отваживался писать автобиографии детства, ответить легко. Большинство опубликованных автобиографий детства — книги профессиональных писательниц. На втором месте среди обратившихся к жанру женщин оказались знаменитости. И наконец, в более поздний период, особенно после Второй мировой войны, автобиографии детства писали женщины, у которых «было что рассказать». Таким образом, демографический состав авторок, пишущих

о своем детстве, оказался смещен в сторону состоявшихся или потенциальных писательниц, знаменитостей и тех, чье детство было чем-то выдающимся.

Как выглядят написанные ими детские автобиографии? Как они оформляли свои истории? Под этими вопросами я подразумеваю не только то, организуют ли они свой материал хронологически, тематически или комбинируя подходы, и представляют ли они его ретроспективно с обилием авторских комментариев или пытаются воссоздать точку зрения ребенка. Важнее для меня то, какую позицию они предпочитают занимать в спектре от строгого изложения фактов до чистого вымысла. На одном конце спектра мы можем представить попытку исторической реконструкции, написанной в трезвом реалистичном стиле, а на другом — автобиографический роман. Большинство автобиографий детства (опять же, более осторожное обозначение — автобиографическое повествование о детстве) оказываются где-то между. Как наглядно показали теоретики, автобиографию нельзя назвать простым, понятным, беспроблемным источником. Она всегда несет сконструированный образ. Даже если автор стремится к полноте изложения, ему препятствует несовершенство памяти и неизбежные искажения самовосприятия. Автобиографии детства созданы из особо хрупкой ткани: из смутных воспоминаний об изменчивом образном восприятии ребенка. Создать что-то из такого материала — это вызов. Можно возразить, что вымыслу нет места в документальном письме, но на самом деле смешанные в различных пропорциях факты и выдумки составляют огромную серую зону между автобиографией и художественной литературой, между чисто фактологическими описаниями и чистой беллетристикой. Как пронцательно заметила Максин Хонг Кингстон:

Я думаю, что всего две категории — художественная и нехудожественная литература — это слишком мало. Я представляю себе границы между художественной и научной литературой, и между ними мне видится очень широкая серая зона; художественная литература — это узкое пространство с одной стороны, документальная литература — с другой, а между ними располагается эта обширная нейтральная полоса,

в пространстве которой и происходит реальная жизнь, а также находят место фантазии, мечты и видения¹⁴.

Другая проблема заключается в том, что хотя некоторые авторы, пишущие о себе, преследуют автобиографический идеал истины, не все из них готовы *рассказать все* без утайки. Благоумие и бережное отношение к интересам окружающих заставляют автобиографов опускать факты. Наконец, если одни произведения легко поддаются классификации — «автобиография», «беллетристика», — с другими это сделать не так просто. И даже если мы знаем, к какому жанру относится произведение, впечатление это может быть обманчивым. Как показали Сидони Смит и Джулия Уотсон¹⁵, и в чем убедимся мы сами, у авторов есть много причин называть свои автобиографии беллетристикой, или, напротив, смешивать реальные события с вымышленными и называть это автобиографией*.

В этом исследовании я провожу линию границы по жанру романа. Как утверждают критики, одно из принципиальных отличий автобиографии от романа¹⁶ лежит за рамками простого соотношения правды и вымысла. Например, сюжет: для романа он абсолютно необходим, но свойственные романам правила его построения могут противоречить претензиям автобиографии на правду. Автобиографический роман, как большой поджанр романа, выходит за пределы моего исследования. Но грань часто бывает трудно провести, и к «обширной нейтральной полосе» я отношу довольно много работ. Ограничить исследование только произведениями, носящими сугубо фактологический характер, значило бы обеднить его и исказить реальность женских автобиографических произведений о детстве, истощить богатство их разнообразия. Многие из лучших и наиболее показательных работ содержат немало вымысла. Беллетризация может быть «проблемой», препятствием для ищущих правдивые истории, но на самом деле это один из самых интересных теоретических вопросов, с которым

* Смит и Уотсон приводят примеры постколониальных произведений, в которых автобиография маркирована как художественный текст, таким образом, она становится «свидетельством», рассказывает истории, которые угнетенные люди не могут высказать напрямую.

сталкиваются исследователи автобиографий детства. Я буду уделять пристальное внимание претензиям и практике авто-ров в этом отношении.

Жанр детской автобиографии послужил источником вдохновения для нескольких предшествующих публикаций: «Kindheitsmuster»: *Kindheit als Thema autobiographischer Dichtung* Вернера Бреттшнайдера, где рассматривается тема детства в немецкой автобиографической литературе; фундаментальная работа Ричарда Н. Кой *When the Grass Was Taller: Autobiography and the Experience of Childhood*; труды конференции 1987 года в Нантере под руководством Филиппа Лежена *Le récit d'enfance en question*; *Die Autobiographie der Kindheit in der französischen Literatur* Романа Рейзингера; *The Child's View of the Third Reich in German Literature* Дебби Пинфольд; *Begin Here: Reading Asian North American Autobiographies of Childhood* Росио Г. Дэвиса; *Selbstfragmente: Autobiographien der Kindheit* Катрин Ланге, исследующей жанр в Германии; а также *Contesting Childhood* Кейт Дуглас — исследование жанра, начиная с 1990 года. В 2007 году Джеффри Э. Лонг опубликовал *Remembered Childhoods: A Guide to Autobiography and Memoirs of Childhood and Youth* — библиографический справочник по автобиографиям детства. Все эти исследователи упоминают автобиографии детства, написанные женщинами, но ни один не уделяет особого внимания гендерным вопросам¹⁷.

Напротив, Валери Сандерс посвятила главу своей книги *The Private Lives of Victorian Women: Autobiography in Nineteenth-Century England*¹⁸ женским автобиографиям детства викторианской эпохи, и она превосходно анализирует разницу между мужским и женским автобиографическим письмом в Англии XIX века. Сандерс также опубликовала чрезвычайно полезную комментированную двухтомную антологию автобиографических произведений о детстве британских женщин XIX века «Записки девичьего детства». Авторы и тексты в антологиях Сандерс отобраны в первую очередь по тому принципу, «что им есть что сказать об опыте взросления девочки в XIX веке»¹⁹. Выбранные тексты в основном взяты из более длинных автобиографий, многие из которых были опубликованы посмертно, а некоторые так и остались

неопубликованными. Эти произведения интересное сравнить с рассматриваемыми мною самоизданными текстами того же периода, хотя обе подборки в целом во многом совпадают с выводами о женском автобиографическом письме о детстве в викторианский период.

Другая работа, посвященная женским автобиографиям детства, — это *Stories of Herself When Young: Autobiographies of Childhood by Australian Women* Джой Хутон²⁰, результат обширного архивного исследования автобиографий, посвященных детству и юности австралиек, написанных с начала XIX века до момента публикации книги в 1990 году. Отмечая, что до 1900 года было опубликовано лишь несколько текстов австралиек XIX века, Хутон, как и Сандерс, включает в подборку неопубликованные работы и произведения, напечатанные посмертно. Она еще больше расширяет диапазон исследования, не только за счет автобиографий и мемуаров, но и за счет автобиографической беллетристики. Больше всего ее интересует образ родителей в подобных сочинениях. И в этом случае различие между документальными и художественными нарративами имеет меньшее значение, чем при исследовании вопроса о публичном самовыражении. Помимо освещения австралийской автобиографической традиции, Хутон резюмирует и критикует существующие теории об автобиографиях вообще и женских автобиографиях в частности, настаивая на том, что для исправления обеих необходимы исследования «снизу» — посыл, с которым я согласна. Работа Хутон не претендует на историчность. Хотя в первых главах она рассматривает нарративы о детстве до 1920 года, затем она выстраивает текст тематически.

Помимо работ Сандерс и Хутон, других широких исследований женских автобиографических нарративов о детстве не проводилось, как не рассматривались подобные произведения в исторической прогрессии с точки зрения развития жанра. Что происходит после XIX века в англоязычных странах? А как насчет Франции, также породившей немало автобиографий? А что же другие европейские страны? Что происходит после Первой мировой войны, в период, ставший поворотным в области прав женщин? Приносит ли перемены Вторая мировая

война? Все это заслуживает изучения наряду с гендерными вопросами, которые возникают на протяжении всего пути.

Ранние исследователи женской автобиографии утверждали, что женщины пишут иначе, чем мужчины. Однако концепция «женского письма» — чисто женского метода создавать тексты — была оспорена. Более поздние теоретики нашли множество опровержений концепции «чисто женских» автобиографий. Но если какие-то гендерные различия проявляются в любом типе письма, это должно быть справедливо и для автобиографий, включая автобиографии детства. Женское воспитание повсеместно отличалось от мужского. Детство мальчиков и девочек проходило по-разному, по-разному складывались их жизни, а потому и на свое детство мужчины и женщины смотрели по-разному. Во многих культурах женщин учили говорить о себе иначе, чем мужчин. Неудивительно, что в содержании, акцентах, стиле и тоне женских и мужских повествований находятся различия. Джилл Кер Конуэй, подробно рассмотревшая вопрос публичной самопрезентации в автобиографиях, подчеркивает, что для того, чтобы обладать «силой убеждения», «автобиографии не могут слишком резко отходить от общепринятых шаблонов»²¹. В продолжение она утверждает, что западные автобиографии, как минимум те, что были написаны до мировых войн, соответствуют гендерным стереотипам. Конуэй абсолютно права в том, что касается необходимости соответствовать действующим нормам для автора, который желает, чтобы его работа была принята общественностью. Автобиографии детства, как и остальные, имеют гендерные аспекты. Однако эти аспекты не идентичны тем стереотипам, которые Конуэй выделяет для автобиографий, посвященных взрослой жизни — «человек действия и страдающая или спасающая женщина»²², потому что здесь авторы оглядываются на свое детство, а не подводят итоги всей жизни. Например, произведениям женщин XIX — начала XX века гораздо менее присущ ностальгический тон, столь свойственный мужчинам, пишущим о своем детстве в тот же период. Именно это несоответствие впервые заставило меня поверить, что может существовать отдельная женская традиция автобиографии детства. Коу утверждает, что в автобиографии детства нет

никакой разницы между мужским и женским письмом. Я не могу согласиться. Как вы сможете убедиться, с самого начала рассматриваемого периода я нахожу различия — особенно в момент его зарождения, в период до Первой мировой войны. Эти различия связаны с разной социализацией мужчин и женщин, а не с биологией.

Конузэй задает провокационный вопрос:

Учитывая, что западный язык и повествовательные формы были разработаны для описания и объяснения жизни мужчин, как может написать автобиографию женщина, если для этого ей приходится использовать язык, очерняющий женскость, и жанр, прославляющий опыт атомистического западного героя-мужчины?²³

Это хороший вопрос, но у автобиографии детства есть готовый ответ. После того как романтизм признал детство достойной темой для письма, жанр автобиографии детства стал привлекать женщин XIX—начала XX века. Общество тогда приписывало женщинам особую близость к детям. Деторождение считалось подтверждением идеи о том, что женщины и дети принадлежат друг другу. В период разделенных сфер* воспитание молодежи было женской обязанностью. Матери заботились о своих детях или поручали их другим женщинам-воспитательницам. В эпоху больших многодетных семей почти каждая женщина — мать, сестра, тетя, бабушка, няня — посвящала много времени присмотру за детьми. Предполагалось (и, несомненно, так и было), что женщины более компетентны в вопросах, связанных с уходом за малышами. Таким образом, если и была область, в которой женщины пользовались авторитетом в любом уголке мира, эта область была связана с детьми. Вторая причина, по которой женщины обратились к написанию автобиографий детства, связана с безопасностью темы. В эпоху, когда детство считалось периодом невинным и асексуальным,

* В Новое время области самореализации для мужчин и женщин были строго разделены и закреплены, это феномен получил название «разделенные сферы» в гендерных исследованиях (*separate spheres*). Для женщины — домашнее пространство, для мужчины — государственная служба, политика, культура. — *Примеч. ред.*

сделать собственное детство предметом книги казалось делом относительно беспроблемным по сравнению с написанием истории взрослой жизни*.

Подпадает ли женское письмо под какие-то модели? Формируются ли традиции? Отличаются ли они в разных странах? Существуют ли кросскультурные закономерности? Самый большой разрыв возникает между мемуарами — произведениями, рассказывающими «историю», — и автобиографиями, рассказывающими «мою историю». Многие женщины пишут воспоминания о мире своего детства, не сосредоточиваясь на себе. Таким образом, кажется, что сама жизнь — детство в большой викторианской семье, или в гималайских джунглях, или в приюте, или с родителями — странствующими артистами — оправдывает книгу. В таких произведениях девочка выступает скорее как свидетель, чем как субъект. Однако другие писательницы фокусируются на себе: субъектности главной героини, ее личности, ее развитии.

Большинство исследователей жанра предполагают, что автобиография детства ориентирована на себя: центральным элементом такого сочинения является детское «я» писателя. Коу делает эту фокусировку на себе частью своего определения «детства»: «структура шаг за шагом отражает развитие личности автора»²⁴. Автобиография, ориентированная на себя, по праву привлекает внимание критиков: она отмечает место, где индивидуальная саморефлексия встречается с общественными нормами. Так она становится заманчивым объектом для анализа, в том числе и с точки зрения гендера. Тем не менее если взглянуть на историю жанра, найти такие работы непросто. Коу, Дэвис и Дуглас сходятся во мнении, что в автобиографии детства взрослый воссоздает свое детское «я». Но исторический подход «снизу вверх» — тот, который я выбрала для

* Сандерс высказывает аналогичные соображения: «Детство можно легко сделать занимательным и безличным, а поскольку многие темы для женщин-писательниц считались табуированными, детство оказалось одной из относительно немногих доступных им областей, это абсолютно домашняя тема с отличным образовательным потенциалом» (*Sanders V. Records of girlhood: an anthology of nineteenth-century women's childhoods. Hampshire, 2000. P. 4–5*).

этой книги, — показывает, что взрослый, кроме того, выбирает, какую часть этого детского «я» включить в повествование. История женского автобиографического письма о детстве показывает, что, помимо автобиографий, женщины писали *мемуары*, где детское «я» автора может быть почти незаметным. Между этими двумя концами спектра существует множество текстов, в том числе семейные истории, истории братьев и сестер и «реляционные» автобиографии, в центре внимания которых находится не развивающееся «я» ребенка, а его отношения с окружающими или даже сами окружающие*.

Хотя Томас Кузер в своей книге *Memoir* уверяет нас, что слово «мемуары» сегодня вытеснило другие термины, означа-

* Хутон в книге *Stories of Herself When Young* отмечает склонность австралийских женщин переносить внимание с себя на других и возводит ее в принцип самобытной женской традиции автобиографического письма в Австралии. Она считает, что общим знаменателем рассказов о детстве австралийских женщин является связанность: «Наиболее распространенной и последовательной характеристикой женских автобиографий является та, которую Кэрол Гиллиган определяет в своем исследовании женского взросления в книге *In a Different Voice* — определение собственного „я“. В контексте отношений и суждения о себе с точки зрения способности заботиться» (*Hooton J. Stories of Herself When Young: Autobiographies of Childhood by Australian Women. Melbourne, 1990. P. 91*). Хутон принимает теорию психоаналитика и социолога Нэнси Чодорой о том, что девочки и мальчики в силу отношений с матерями доэдиповой фазы развивают разные парадигмы самости, основанные на связанности (девочки) и индивидуации (мальчики) (*Ibid. P. 86*). Я бы не стала делать подобное утверждение в отношении женской автобиографии детства в целом. Француженки выводили свое «я» на передний план автобиографии еще в период становления жанра. Ланге обращает внимание на «поразительную децентрацию самости» в немецкой автобиографии детства в XIX веке в целом, при этом большинство ее примеров — мужчины (*Lange K. Selbstfragmente: Autobiographien der Kindheit. Würzburg: Königshausen und Neumann, 2008*). Анн Рюггемайер в недавнем исследовании реляционной автобиографии утверждает, что «новый жанр» реляционной автобиографии возник в 1970-х годах в англоязычных странах и что в основу его легла концепция реляционной идентичности (*Rüggemeier A. Die relationale Autobiographie. Trier, 2014*), которая началась с Уильяма Джеймса и впоследствии проникла в психологию, социологию, философию и психоанализ XX века. Очевидно, что теория Рюггемайер не учитывает традицию не сфокусированного на себе женского автобиографического письма (такого, как семейная история), но, несомненно, что некоторые важные авторы женских автобиографий периода после Второй мировой войны, чья самооценка носит реляционный характер, имели опыт работы в психологии или психоанализе.

ющие жизнеописание, для исторического исследования полезная старая терминология, различающая работы, ориентированные на себя, от работ, направленных на других²⁵. Я использую термины «мемуары» и «автобиография» в соответствии с разграничением, которое обозначают, например, Бернд Нойман, а также Сидони Смит и Джулия Уотсон со ссылкой на Ли Куинби²⁶. Изрядное количество текстов обладают признаками обоих жанров, но даже там, как правило, можно проследить преобладание того или иного фокуса, что позволяет отнести конкретную работу к одной или другой категории. До XX века французские женщины, как правило, фокусировались на себе, а англоязычные писательницы тогда же чаще выбирали скромную альтернативу рассказывать о «нас» — семье, братьях и сестрах. Позже стало принято различать два широких направления: мемуары и автобиографии, причем женщины отметились в обоих. В межвоенные годы и годы Второй мировой войны мемуары количественно превосходили автобиографии, составляя примерно 60 процентов женских нарративов о детстве.

В этот период, особенно начиная с 1930-х годов, стал популярным вариант, который я называю «полумемуарами»: мемуары, которые, безусловно, оправдывают себя как история конкретного периода, места и/или семьи, но при этом содержат яркий элемент субъективности, рассказывают об отношении главной героини к внешним событиям и, возможно, ее личную историю. Появление таких гибридов, которых становилось все больше и которые Кузер отдельно выделяет среди современных автобиографических произведений, возможно, проложило путь к современному замещению термина «автобиография» на термин «мемуары» в качестве обобщающего для личных воспоминаний²⁷.

В 1950-х и 1960-х годах процент мемуаров (которые к тому времени были в основном полумемуарами) держался на уровне почти 60 процентов. В этот период, когда жанр уже утвердился, меня интересуют автобиографии, а не мемуары. Тем не менее значительное количество писательниц выбирали средний путь между мемуарами и автобиографией, создавая произведения промежуточного типа. Здесь я посчитала необходимым принять некоторые решения относительно того, что включать

и что исключать. Есть ли в рассматриваемых мемуарах значительные автобиографические черты? В качестве альтернативы приняла ли писательница мемуарный стиль для изложения автобиографических моментов? В таких случаях мемуары или полумемуары становились частью моего исследования. И наоборот, если автобиография — просто отчет о внешних событиях без саморефлексии, даже если это история самой писательницы, она не представляет для меня особого интереса.

Встречаются ли сюрпризы? Да. Главным сюрпризом для меня стало высокое качество произведений. В период до конца Второй мировой войны встречается совсем немного легких, тривиальных, «пушистых» или «шаблонных» текстов. Начиная с ранних образцов, почти каждая писательница относилась к описанию своего детства очень серьезно. Большинство, похоже, глубоко задумывались о нем и приложили все усилия, чтобы написать об этом. Иногда, конечно, можно встретить посредственную писательницу или тривиальное мышление. Но в основном авторы умны и проницательны, а их изложение красноречиво и тщательно проработано.

И последний вопрос: что понимать под детством? Сегодня мы думаем о детстве как о периоде жизни между рождением и половым созреванием. Но раньше концепт детства было не таким строгим. Розмари Ллойд отмечает²⁸, что многие писательницы XIX века явно не отделяли подростковый возраст от детства¹. Некоторые авторы ограничивались тем, что писали о годах, предшествующих половой зрелости. Другие, однако, писали «автобиографии детства и юности», выходя в своих повествованиях за пределы детства, описывая годы юности вплоть до того момента, когда они покинули дом для учебы, работы или замужества. Где же проходит граница?

Женские автобиографии, которые не ограничиваются лишь детством, довольно распространены, и я их не исключаю, потому что именно они чаще всего рассказывают о развитии

* В качестве примера Ллойд приводит Жорж Санд, которая употребляет слово «дитя», говоря о незамужней 16–17-летней девушке (*Lloyd R. The Land of Lost Content: Children and Childhood in Nineteenth-Century French Literature. Oxford, 1992. P. 129–130*).

личности. Взросление и изменения в мировоззрении и воспитании, которые испытывают девочки при переходе из детства в подростковый возраст, представляют интерес. Распространенную мысль (которую высказывала, например, Симона де Бовуар), подтвержденную исследованием 1991 года в США, что в процессе становления девочки утрачивают уверенность в себе. Так что я рассматриваю автобиографии детства и юности, хотя и исключаю работы, которые начинаются с подросткового возраста, минуя детство. Рассматриваю я и полные автобиографии, если автор в них уделяет своему детству достаточное внимание. В итоге мои критерии для включения книги в исследование: автор посвятила значительную часть работы своим детским годам, и, кроме того, она рассматривает свое детство и себя в детстве как важную тему.

Чтобы еще больше сузить границы исследования, я опустила автобиографии, которые задумывались как описание всей жизни автора или ее существенной части, и только краткий вступительный фрагмент которых посвящался детству. Разумеется, большинство авторов автобиографий уделяют своему детству хотя бы немного внимания. Но чаще всего детские годы оказываются проходным сюжетом на пути к юности и взрослой жизни. Иногда, однако, автор полного жизнеописания посвящала детским годам часть, которая по длине эквивалентна типичной автобиографии детства, или, как Жюльетта Адам, Мэйбл Додж, Мари Бонапарт, Симона де Бовуар и Клара Мальро, публиковала рассказ о детстве и юности в качестве первого тома многотомной автобиографии. Такие работы я включила в исследование. Если автор писала только об определенном периоде детства или хотела создать о нем серию отдельных рассказов, то такие работы я тоже рассматриваю.

Несмотря на важность темы для социальной истории, это книга не только о женском детстве. В первую очередь мой главный интерес состоял в том, чтобы узнать, как женщины описывали себя, влияние детства на них в эпоху, когда детство признали важным, его опыт — формирующим, а детский взгляд на мир — особенным и заслуживающим внимания. Гендерные аспекты выбранных работ меня интересовали больше всего: то, как женщины писали о себе как о девочках. И здесь мне важны

как самопрезентация, так и саморепрезентация: тон и комментарии автора содержат не меньше информации, чем выбор материала и его структура. Если созданный женщиной нарратив содержит особый фокус, например инвалидность, психическое заболевание и т. п., но не затрагивает гендерные вопросы (например, «История моей жизни», 1902, Хелен Келлер), — я его не рассматриваю. Наконец, меня интересует история жанра: как зародилась и развивалась детская автобиография, написанная женщинами. Это давняя и содержательная традиция.

Книга организована таким образом, чтобы показать возникновение и изменения жанра. Как и другие жанры, женское автобиографическое письмо о детстве эволюционировало исторически. Обычно появлению нового жанра способствует тот факт, что какое-то произведение (или группа) обретает популярность, и ему начинают подражать. Потом появляются привлекательные вариации, которые смещают общий горизонт ожиданий, и подражать, в свою очередь, начинают им*. Я воспринимаю как данность то, что тексты ориентируются на предыдущие произведения, и считаю эту закономерность преобладающей. Автобиографическое письмо — не замкнутая система, и жанровая эволюция зависит не только от книг: изменения в образе жизни людей, очевидно, влияют на создаваемые ими произведения. Но если женщина пишет семейную историю, это, вероятно, потому, что она читала семейные истории других женщин и восхищалась ими, а не потому, что, скажем, как женщине, ей свойственно реляционное самоопределение.

Главы организованы по историческим периодам. Деление на периоды может выглядеть условным, но оно не произвольное. Каждый период знаменует изменения в женском письме. До Первой мировой войны работы были крайне разнородными. Произведения, написанные в межвоенные годы, более однородны, появляются некоторые закономерности, и в целом они демонстрируют значительные изменения в содержании и тоне по сравнению с довоенными текстами. Работы, написанные в годы Второй мировой войны, продолжают развитие,

* Подробнее о концепции жанра и жанровой критики см. главу 2 книги: *Martens L. The Diary Novel. Cambridge, 1985.*

начатое в межвоенные годы. Им посвящается отдельная глава, потому что, несмотря на заботы военного времени, текстов становится на удивление много, предвещая вал автобиографических произведений 1950-х и 1960-х годов. После Второй мировой войны писательницы начинают использовать жанр с несколькими новыми целями.

Чтобы сориентировать читателей, в начале каждой главы я разместила список обсуждаемых авторов, упорядоченный в хронологическом порядке по дате публикации. Подзаголовки обозначают переходы между различными типами работ внутри глав. Содержание представляет собой дорожную карту. В главе 1 читатель может узнать, чем отличались произведения, написанные до Первой мировой войны, и так далее.

Аргумент, который я постараюсь доказать читателям в следующих главах, заключается в следующем. В XIX веке, когда публиковаться женщинам было крайне сложно, а социальные ограничения препятствовали их откровениям о жизни перед широкой публикой, автобиография детства представляла собой привлекательный выход для саморефлексии и творчества. Детство, прославленное Вордсвортом и другими романтическими писателями, обрело статус темы, достойной того, чтобы о нем писать. Женщины, на которых возлагались обязанности по воспитанию детей, пользовались неоспоримым авторитетом в вопросах, касающихся детского опыта. Писать о детстве давало возможность сравнительно свободно самовыражаться—своего рода лазейку. Помогало и то, что в ту эпоху детство считалось невинным, асексуальным периодом жизни. Тогда, начиная с середины XIX века, женщины стали подробно писать о своем детстве и публиковать написанное.

С самого начала и далее по мере того, как женская версия этого жанра набирала обороты в XX веке, целый ряд обстоятельств—изменение статуса и самосознания женщин, международные события и общественно-политический климат, господствующие и модные интеллектуальные идеи, популярность предыдущих написанных женщинами автобиографических произведений и растущие возможности публикации—отразился на писательских успехах женщин. Особенно начиная с 1930-х годов можно увидеть детские автобиографии, авторы

которых воодушевлялись кто верой, а кто и идеями психоанализа. Однако для тех и других более значимым, хоть и более поверхностным, повторяющимся паттерном является скорее тон, чем идеологическая составляющая. Инстинктивно подражая предшественницам, авторы стали выбирать тон — иронический, ностальгический или юмористический — в соответствии с намерениями и веяниями моды.

Безусловно, нормы, обстоятельства и влиятельные произведения сказывались на истории автобиографий, написанных и мужчинами, не только женщинами. Тем не менее автобиография считается документальным жанром, и пол референта — главного героя — и автора влияет на готовый проект. Автобиография не нейтральна с гендерной точки зрения. В той или иной форме общество всегда иначе относилось к женщинам. Имя женщины на титульном листе создает ожидания, которые женщина-автор предвидит, выбирая, что и как писать. Представления писательницы о своей предполагаемой аудитории неизбежно влияют на ее самопрезентацию. Это не означает, что опубликованная автобиография является четким отражением общественных норм; скорее, она включает в себя форму «зеркального разговора» (цитируя название книги *Mirror talk* Сюзанны Иган^{*}) между автором и этими нормами. Как будет видно, общая тенденция в женских автобиографиях детства с течением времени была направлена на рост откровенности. Однако — и это мы также увидим — женщина часто считала нужным приукрасить свою историю, объяснить с читателем, приняв определенный тон, придав себе определенный образ, выдвинув на первый план одни сюжеты и скрыв другие. Преимущества беллетризации автобиографии для женщин были слишком серьезными, чтобы ими пренебречь.

И наконец, несколько постоянных моментов. Несмотря на изменения социальных норм, в определенных отношениях детство женщин всегда отличалось от детства мужчин. За девочек

* Иган обсуждает там влияние аудитории на автобиографические тексты и инаковости авторов на их самовосприятие (*Egan S. Mirror Talk: Genres of Crisis in Contemporary Autobiography*. Chapel Hill, 1999. P. 2).

всегда отвечали матери и другие опекуны, они же были образцами для подражания. Это и дифференцированное воспитание для девочек и мальчиков было и оставалось темой женских автобиографий о детстве. Хотя многие другие аспекты женского письма со временем изменились, эти моменты можно выделить как постоянные.